

**ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ВИЗАНТИЙСКОЙ ИСТОРИИ
НА РУБЕЖЕ IX—X ВВ. ПО «ТАКТИКЕ ЛЬВА»
(Доклад на IX Всесоюзной сессии византинистов
в Ереване, май 1971 г.)**

Проблема тесной связи, взаимозависимости и взаимообусловленности экономики и войны впервые получила свое освещение в марксистско-ленинской литературе. При этом интенсивно изучался один из аспектов указанной проблемы — обусловленность войны (ее причин, целей, способов и форм ведения, результатов и последствий) экономическим базисом общества, уровнем развития его производительных сил. Что же касается вопроса об обратном влиянии войны на экономику, то он разработан в гораздо меньшей степени. Трудность вопроса — в необходимости учета всех форм и проявлений влияния войны на экономику. Можно утверждать, что каналы этого влияния более разветвлены, более опосредованы, более многочисленны и разнообразны, чем каналы воздействия экономики на войну.

Военно-экономические проблемы византийской истории до сих пор остаются неразработанными как в отечественной, так и в зарубежной литературе. Между тем большой научный интерес исследований в этой области не подлежит сомнению. Уже давно назрела необходимость поставить военную историю Византии на прочную экономическую основу.

Настоящая статья — попытка анализа военно-экономических концепций периода царствования Льва VI, нашедших отражение, в частности, в «Тактике Льва».

Автор рассматриваемого трактата занимался преимущественно военной теорией, стратегией и тактикой. Тем не менее в этом сочетании имеется довольно обширный, заслуживающий внимания материал по таким, например, вопросам, как экономическое состояние территорий, на которых происходили столкновения Византии с соседями, экономическое обеспечение военных экспедиций, экономические цели военных кампаний, непосредственные экономические последствия войн и т. д. Разумеется, одних только материалов «Тактики» недостаточно для решения перечисленных вопросов в полном объеме. Рассматриваемые же в сочетании со сведениями других источников данные «Тактики» во многом дополняют и конкретизируют наши представления об общем состоянии военной экономики империи на рубеже IX и X столетий.

Следует отметить, что военно-экономические сведения не сконцентрированы в каком-то определенном месте трактата, но встречаются в содержании самых различных глав. Более других имеют отношение к интересующей нас проблеме две главы «Тактики»: IX, посвященная во-

просам совершения маршей, и XVII, рассказывающая об организации неожиданных нападений.

Общее внешнеполитическое положение Византии в конце IX — начале X в. было гораздо более сложным, чем при Василии I. На границах империи появился новый потенциальный противник — венгры; болгары превратились из друзей во врагов; в конце царствования Льва Константинополь подвергся нападению руссов. Западные арабы, захватившие Сицилию и Крит, постоянными нападениями опустошали острова Эгейского моря и побережье, ставя под угрозу не только торговые коммуникации Византии в Восточном Средиземноморье, но и самую безопасность этих частей империи. Угроза арабских вторжений сохранялась и с востока. Но, пожалуй, еще более напряженная обстановка складывалась в районе Балкан, где Византия столкнулась с крепнущей болгарской державой.

Борьба на этих фронтах составляла главное содержание военной истории империи при Льве VI, а общий баланс этой борьбы был не в пользу византийского оружия¹. Империя была втянута в длительные войны, носившие с ее стороны преимущественно оборонительный характер. Лев стремился избежать войны даже ценой уступок противнику. Инициатива развязывания войны в период его царствования почти всегда принадлежала неприятелю. Так, он в течение длительного времени (886—900 гг.) уклонялся от войны с арабами, избегая наступательных действий и всецело передав в их руки стратегическую инициативу².

Положение бывало особенно напряженным, когда империи приходилось вести войну одновременно на двух или нескольких фронтах. Противники Византии стремились использовать именно такие моменты. Так, первая война болгарского царя Симеона против Византии была начата им в 894 г., когда лучшие армии империи во главе с Никифором Фокой (Старшим) находились в итальянской экспедиции³.

Поражения византийских армий сопровождалось сокращением территории империи⁴.

Византии приходилось напрягать все силы в борьбе с внешним врагом. Огромная заслуга в том, что империи удавалось не только стабилизироваться, но временами переходить в наступление, принадлежит искусству византийской дипломатии, которая достигала успехов даже тогда, когда Византия отнюдь не обладала военным преимуществом ни на суше, ни на море⁵.

Неудачи Византии на внешних фронтах объяснялись кризисным состоянием ее военной организации, базировавшейся на принципах фемного строя.

Фемный строй являлся комплексом социально-экономических, политических, административных мероприятий, имевших своей конечной целью приспособление византийской экономики к потребностям защиты страны от вражеских нашествий. Главнейшим принципом фемной военной организации являлось привлечение к воинской службе свободного земледельческого населения империи, значительно возросшего численно в результате происшедшего в VI—VII столетиях переворота в аграрных отношениях⁶. Фемные ополчения стратиотов-крестьян оказались в со-

стоянии обеспечить не только защиту империи в критических условиях VII в., но и военные успехи императоров Исаврийской династии в последующем столетии⁷.

Когда фемный строй переживал период расцвета, он обеспечивал эффективное функционирование военного аппарата, высокие мобилизационные возможности государства. Воин, в случае войны полностью экипированный за собственный счет; производитель и налогоплательщик в мирное время — таков был «классический» стратиот VII—VIII вв. Категория, относящаяся к такому социальному разряду, составляла большинство населения империи. Следовательно, как с точки зрения материального положения, так и социального статуса стратиотское сословие являлось прочной основой византийской военной организации фемного типа.

Отражая интересы определенной части господствующего класса — городской знати, фемный строй стоял на защите государственной централизации⁸. В этом плане он открывал возможности государственного регулирования экономической деятельности. И в первую очередь эта возможность должна и могла быть реализована в военно-экономической области.

Известно, что внешняя и внутренняя политика не представляют собой двух самостоятельных, отделенных друг от друга сфер государственной деятельности. Граница между ними весьма условна. Успехи в одной из этих сфер вызывают активизацию в другой; неудача локального характера может стать причиной всеобщего кризиса. В силу диалектичности исторического процесса причина и следствие, попеременно меняясь местами, стимулируют либо тормозят внутренний прогресс и внешнеполитическую активность данного общества и государства.

Стабилизация экономики Византии, достигнутая в VII—VIII вв. в результате укрепления мелкого и среднего свободного землевладения, оздоровила военную организацию, обеспечила ее прочность, устойчивость и динамичность. В свою очередь, фемный строй создавал возможность быстрой и сравнительно безболезненной перестройки мирной экономики на военный лад и обратно.

Впрочем, такая перестройка обычно не приобретала кардинального характера. Вся история Византии — это история непрерывных войн. Промежутки между ними были кратковременными; собственно, это были не столько периоды мира в полном смысле слова, сколько периоды кратковременных перемирий, заполненных новыми военными приготовлениями. В каждый конкретный момент своей истории Византия либо воевала, либо готовилась к войне, либо переживала последствия войны. Поэтому ее обычное состояние может быть определено как состояние перманентной войны.

В соответствии с этим экономика государства неизбежно должна была приобрести и сохранять перманентный характер. Единство и взаимосвязь внутреннего и внешнего факторов должны были проявляться в данном случае в способности экономики чутко реагировать на малейшие изменения во внешнеполитическом положении империи. Как уже было отмечено ранее, фемный строй в период расцвета наиболее полно

соответствовал этим требованиям, обеспечивая необходимую динамичность и сравнительную дешевизну в переводе экономики государства от состояния войны к состоянию мира, от условий мира к условиям войны.

К концу IX в. фемная военная организация стала склоняться к упадку. В первую очередь это проявлялось в размывании социальной основы фемного войска. Все большая часть стратиотского сословия, разоряясь, оказывалась не в состоянии исполнять воинскую службу. Результат не замедлил сказаться не только на внешнеполитическом положении империи, о чем сказано выше, но и на общем состоянии ее экономики.

В период расцвета фемного строя армия обходилась сравнительно дешево государственной казне: экипировка воина производилась за его собственный счет⁹, а государственные расходы на войну компенсировались военной добычей. Кризис фемной военной организации повлек за собой постоянное увеличение государственных военных расходов (хотя бы потому, что стал расти удельный вес наемного элемента в армии), а приток военной добычи все время уменьшался. Возникающая вследствие этого диспропорция неблагоприятно отражалась на финансовом и общем экономическом состоянии империи.

По средним подсчетам, Византия в IX в. нуждалась в армии численностью 120 тыс. человек¹⁰. Расходы на нее составляли важнейшую статью государственного бюджета. Содержание одной лишь армии Востока обходилось казне в 9 млн. золотых рублей ежегодно¹¹. К сожалению, мы не располагаем данными о состоянии государственной казны при Льве VI¹², но есть все основания полагать, что военные расходы вызывали напряжение государственной экономики.

Источники сохранили сведения о материальном обеспечении некоторых военных экспедиций, относящихся к периоду царствования Льва VI. Уникальным среди них по полноте является свидетельство Константина Багрянородного о морской экспедиции византийцев против арабов¹³.

Поражение 904 г., выразившееся в потере Фессалоники, заставило Льва уделить особое внимание флоту. Он жаждал реванша и, когда наметился первый успех, приступил к снаряжению грандиозной морской экспедиции под командованием Имерия.

Датируемая 910—911 гг.¹⁴ экспедиция Имерия была предприятием поистине общегосударственного масштаба. В ее подготовке приняли участие многие области империи, из которых одни строили корабли, другие заготавливали провиант и боеприпасы, третьи готовили десантные войска, четвертые отправляли лазутчиков в районы будущих военных действий. Всего было снаряжено 102 дромона и 75 памфил с 34 200 гребцами. Десант включал в себя и пехотные, и кавалерийские части. Общая сумма затрат на экспедицию исчислялась в 37 кентинариев 50 литр 2 номисмы (около 1 млн. рублей золотом).

Экспедиция закончилась полнейшей неудачей. Все громадные материальные затраты на нее пошли, следовательно, впустую.

Приведенный пример чрезвычайно показателен — он выходит за рамки единичного события и приобретает характер явления, типичного для времени, когда политика глухой обороны, политика исключительно

ответного удара была стратегической линией внешнеполитической деятельности Византийского государства.

Отныне военный потенциал государства поддерживался гораздо более дорогой ценой — не в переносном, а в буквальном смысле этого слова. Громадное количество финансовых средств тратилось на **подготовку** к войне — и чаще всего пропадало впустую, так как от **ведения** столь дорого обходившейся войны Византия стремилась уклониться. Значительная масса людей производственных профессий отвлекалась на обеспечение военных нужд государства; их труд в этих условиях переставал быть производительным, ибо не приносил никакого хозяйственного эффекта. Складывалось парадоксальное положение: чем больше экономических усилий и финансовых средств тратилось империей на обеспечение и поддержание военного потенциала, тем слабее он оказывался.

Именно такое кризисное состояние византийской военной организации отражено в «Тактике Льва». Армия, обрисованная в трактате, еще имеет внешние атрибуты фемного страгитотского ополчения, однако кульминационный пункт его развития уже остался позади. Цель, которую ставил перед собою Лев, отнюдь не заключалась в разработке принципиально новых основ военной организации (ибо воссоздание военного могущества империи могло произойти и действительно произошло позже на качественно иной социальной основе), а сводилась к попыткам всемерной гальванизации тех основ войска фемного типа, которые еще сохраняли жизнеспособность.

Военно-политическая доктрина, пронизывающая «Тактику Льва», имеет ярко выраженный оборонительный характер. Подчеркивая необходимость быть всегда готовым к войне¹⁵, обеспечить перевес сил над врагом¹⁶, сохранять постоянную бдительность¹⁷, Лев не рекомендует нападать на врага первым¹⁸. Он решительно подчеркивает свою приверженность к миру, к добрососедским отношениям с другими странами, к справедливости во внешней политике¹⁹. К военным действиям следует прибегать лишь тогда, когда столкновение спровоцировано неприятелем²⁰. Тогда появляются законные основания для применения вооруженной силы, война приобретает справедливый характер и вести ее нужно с уверенностью в помощь божественного провидения²¹.

Тезис о том, что причина войны должна быть законна, восходит к старинной военно-теоретической традиции и встречается еще в сочинении Онесандра. Его разделяет и автор «Стратегикона»²² — основного источника «Тактики». Однако особая приверженность Льва к миру, его призыв «не обгагрять землю кровью ни соплеменников, ни варваров»²³ приобретают специфическое звучание. Объяснение этому не следует выводить из религиозно-этических доктрин, исповедуемых Львом²⁴, — оно вытекает из общего кризисного состояния военной организации Византийского государства на рубеже IX и X столетий²⁵.

Общее положение империи, как оно отражено в «Тактике», отличается неустойчивостью. Это и не война в полном смысле слова, но и не мир — это особое промежуточное между миром и войной состояние, когда, говоря словами автора трактата, уже «не господствует мир, но война еще не проявилась с очевидностью»²⁶. В соответствии с этим фем-

ные армии Византии находятся в состоянии постоянной готовности к совершению маршей, к вторжению на вражескую землю, к сражению, к отступлению на свою территорию.

В этой связи не лишен интереса вопрос о том, каким именно областям империи (западным или восточным) уделено наибольшее внимание автора трактата. Это позволило бы локализовать район наибольшей военной опасности — так, как это было сделано в отношении трактата *De velitatione bellica* ²⁷.

К сожалению, материал «Тактики Льва» не дает однозначного ответа на поставленный вопрос. Местность, описываемая Львом (в частности, в IX главе трактата), скорее всего, абстрактна. Здесь упоминаются вперемешку и теснины ²⁸, и леса ²⁹, и горы ³⁰, и узкие проходы ³¹, и открытые пространства ³², и реки ³³. Конкретные географические указания, встречающиеся в связи с упоминанием военных экспедиций, чрезвычайно редки ³⁴.

Создается впечатление, что автор трактата, стремясь придать своему сочинению обобщающий характер, разработать универсальное военное руководство, сознательно избегает конкретизации и как бы подготавливает военачальника к ведению войны на самых различных театрах.

Экономика пограничных областей империй, по данным «Тактики», находилась в самой непосредственной связи с военной ситуацией. Периферийные области, наиболее часто являвшиеся ареной военных столкновений, практически полностью выпадали из хозяйственного оборота. Их население либо перетекало в другие, более безопасные районы, либо вынуждено было совершенно менять весь образ жизни, утрачивая оседлость. Во всяком случае, нормальное занятие земледелием, торговлей и промыслами в этих областях было исключено. Некоторые спорные территории превращались в своеобразную «ничью землю», так что проживающее здесь население затруднялось в определении своей государственной принадлежности. Так, в одном месте Лев говорит о «чужой земле, находящейся под нашей властью» ³⁵; несколько далее речь идет о землях, «которые являются пограничными между нашей землей и вражеской территорией» ³⁶. Вся XVII глава трактата посвящена характеристике пограничных конфликтов на таких спорных территориях.

Экономическое состояние этих территорий далеко не цветущее. По крайней мере, здесь не исключена возможность голода для идущей на неприятеля армии ³⁷. Правда, в ряде мест «Тактики» говорится о возделанных в этих районах полях, садах и виноградниках ³⁸, могут встречаться и стада домашних животных ³⁹. В этих случаях полководцу рекомендовалось двигаться как можно скорее, чтобы не нанести ущерба своей земле ⁴⁰ и поспешить с вторжением во вражескую землю. Если она окажется богатой и плодородной, то войско будет иметь там все необходимое; но если даже она будет и бедна ресурсами, все-таки войско сумеет там себя прокормить, — главное, чтобы своя земля осталась невредимой ⁴¹.

Иной характер приобретают рассуждения нашего автора, когда ожидается угроза вражеского вторжения. Благосостояние пограничных территорий и потребности местного населения безоговорочно приносились

в жертву военным потребностям: рекомендовалось уничтожать все съестные припасы⁴², а также фураж⁴³, чтобы они не доставались неприятелю.

Представляют интерес три параграфа из главы XVII «Тактики», где речь идет о серьезных подготовительных мероприятиях оборонительного характера в ожидании вражеского вторжения. Все ценное имущество, а также местное население в этой обстановке должно было концентрироваться в укрепленных кастровах, а из окружи выводили скот, чтобы он не достался врагу⁴⁴. Если эвакуация происходила стихийно и пункт, где собрались люди, не гарантировал их безопасность, следовало переместить их в другое, более защищенное место⁴⁵. Одновременно нужно было организовать дополнительное укрепление кастров, а также принять меры к тому, чтобы не позволить врагу использовать продовольствие и фураж из ближайшей округи⁴⁶.

Таким образом, в центре внимания Льва находятся вопросы обороны, и большая часть его рекомендаций посвящена именно им. Однако в трактате содержатся сведения и об организации вторжений на вражескую территорию, которым также должна была предшествовать тщательная и всесторонняя подготовка.

Мы оставляем сейчас в стороне чисто военные аспекты этой подготовки и остановимся лишь на некоторых моментах исключительно материальной, хозяйственной стороны дела, так как Лев гораздо больше, чем другие военные писатели, как его предшественники, так и потомки, обращает на это внимания.

Идущая в поход армия должна быть в изобилии снабжена продовольствием и другими припасами, их предполагалось доставлять как по суше, так и по морю⁴⁷, чтобы армия не испытывала ни в чем недостатка. Это необходимо в предвидении возможного уничтожения неприятелем припасов в районе вторжения⁴⁸. Среди «невоенных», сопровождающих войско, имелись торговцы⁴⁹, которые во время пауз в военных кампаниях обязаны были обеспечивать нуждающихся стратиотов лошадьми, снаряжением, экипировкой; это должно осуществляться без всякого ущемления интересов местного населения⁵⁰. Естественно, что для приобретения всего необходимо располагать деньгами, поэтому Лев настаивает на своевременной выплате жалования войску⁵¹.

Уделяя значительное внимание вторжениям на вражескую землю, Лев тем не менее не придает им значения первостепенной по важности или хотя бы самостоятельной разновидности военных действий, но опять-таки подчиняет их целям стратегической обороны. Иногда эти вторжения имеют лишь характер демонстраций. Когда враг вторгся на территорию империи, целесообразно совершить собственное нападение, чтобы вынудить врага отступить. И когда неприятель, узнав о вторжении, покинет византийскую землю и начнет преследование вторгшихся частей, нужно искусным маневром вывести войска из-под вражеского воздействия и возвратиться на свою территорию⁵². Тем самым, полагает Лев, можно пресечь вражеское нападение, даже не прибегая к пролитию крови, — идеал, к которому всегда стремится обороняющаяся сторона. Во всех случаях вторжение должно сопровождаться применением различных военных хитростей, обманных действий и даже вероломства —

глава XVII трактата⁴ буквально насыщена рекомендациями подобного рода.

Непосредственная цель военных экспедиций, как это явствует из многочисленных пассажей «Тактики», состоит в разгроме живой силы противника (мы оставляем сейчас этот вопрос в стороне в силу его чисто военной специфики) и нанесении ему материального урона. Последнее достигается путем уничтожения материальных ресурсов и захвата военной добычи.

Автор трактата рекомендует военачальнику применять на вражеской территории «тактику выжженной земли» (если применить современный лексикон): следует жечь, опустошать, разорять неприятельскую землю, ибо скудость состояния и недостаток продовольствия ослабляют врагов, тогда как изобилие этих средств увеличивает их силу⁵³. Единственное ограничение этой политики диктуется прагматическими соображениями: если пребывание на вражеской земле будет длительным, то уничтожению подлежат только излишки, а все необходимое следует передать собственному войску⁵⁴. Если предстоит возвращаться по той же самой дороге, уничтожение припасов целесообразно производить именно на обратном пути⁵⁵. К тому же следует помнить, что пищевые припасы, вода в колодцах и фураж могли оказаться отравленными врагом, поэтому рекомендовалось вначале испробовать их на пленных⁵⁶, а уж потом передать войску.

Захвату военной добычи в трактате уделяется значительное внимание — в этом отношении «Тактика Льва» полностью в русле византийской военной традиции⁵⁷.

В качестве военной добычи перечисляются пленные⁵⁸, а также съестные припасы, скот, фураж, деньги, военное снаряжение и т. д. О пленных в трактате говорится сравнительно мало. Они захватываются в качестве «языков», проводников через неизвестную местность⁵⁹ — это, если можно так выразиться, пленные «разового использования». Однако не исключается возможность и угона значительного числа пленных из вражеской земли. В случае вынужденного отступления эти пленные выставляются в качестве заслона в направлении ожидаемого вражеского нападения⁶⁰. Если неприятель пытался отбить пленных, а у византийцев нет возможности воспротивиться этому, рекомендовалось умертвить пленных на виду у врагов⁶¹. Впрочем, такими мерами нельзя было злоупотреблять, так как пленные (в особенности знатные) могли служить эквивалентом обмена на пленных византийцев, если исход войны представлялся неясным⁶².

Об экономическом использовании пленных после войны в трактате нет прямых указаний. Однако не лишено оснований предположение о том, что в дальнейшем пленные могли использоваться в качестве рабов среди обслуживающего персонала войска (наличие рабов в войске зафиксировано «Тактикой» неоднократно⁶³). Это один из возможных случаев, когда в войске могли оказаться соплеменники врагов, нежелательная ситуация, которая должна была обязательно учитываться военачальником: накануне сражения этих соплеменников следовало выделить из войска и отослать в другие места под благовидным предлогом⁶⁴.

Впрочем, этот вариант не является единственно возможным, так как соплеменники врагов могли оказаться в византийском войске не только среди обслуживающего персонала, но и среди самих воинов. Константин Багрянородный⁶⁵ сообщает о том, что пленные могли расселяться правительством в качестве свободных крестьян в наиболее обезлюдивших фемах империи⁶⁶. Как и другие жители этих областей, бывшие пленные обязаны были отбывать воинскую повинность.

Сбор военной добычи подвергался тщательному регламентированию. Для этого выделялись особые тагмы⁶⁷, а остальная часть войска — большинство — служила для их защиты⁶⁸. Воины, по собственной инициативе присоединившиеся к участникам сбора добычи, серьезно наказывались — в обнаженном виде выставлялись перед войском⁶⁹. Строжайше воспрещалось присваивание военной добычи стратиотами без ведома архонта⁷⁰.

Добытое военное снаряжение распределялось между воинами сразу же после боя; это распределение производилось с учетом той роли, которую воины сыграли в сражении⁷¹.

Собранная добыча охранялась от врага, который, естественно, старался отвоевать ее⁷². Если обстановка складывалась неблагоприятно, Лев рекомендовал начать переговоры с врагом и, уступив ему часть добычи или даже всю ее целиком, вывести из-под удара собственное войско⁷³. Если же враг отказывался вести такие переговоры, добычу следовало уничтожить⁷⁴.

Анализ пассажей «Тактики», посвященных военной добыче, свидетельствует о том, что оборонительная военная доктрина, исповедуемая Львом, и здесь накладывает отпечаток на его взгляды. По крайней мере, он не измеряет эффект военного предприятия размером и ценностью военной добычи. Мало того, он предупреждает военачальника, что не всякая кампания обязательно заканчивается захватом добычи, — иногда ее может не оказаться вовсе⁷⁵. В целом Лев не рассматривает захват военной добычи как особую, самостоятельную цель военной кампании — он видит в этом захвате лишь одно из средств нанесения противнику материального урона. Именно поэтому он не ориентирует военачальника на непременно сохранение военной добычи, она сравнительно легко приносится в жертву соображениям собственной безопасности. В условиях глухой обороны, которую вынуждено было избрать государство в качестве основного содержания своей внешнеполитической деятельности, война перестает рассматриваться как источник пополнения государственной казны. Отныне главная цель состоит в том, чтобы любой ценой сохранить от поражения собственное войско.

Таковы некоторые сведения «Тактики Льва» о состоянии военной экономики Византийской империи на рубеже IX—X вв.

Заключая, нам хотелось бы подчеркнуть, что высказанные в статье положения в большинстве своем имеют лишь предварительный, постановочный характер. Более углубленное изучение проблемы (в смысле увеличения числа анализируемых источников и расширения хронологических рамок) мы полагаем делом дальнейшего исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Еще Н. Попов (Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении. М., 1892, стр. 18) отмечал, что «царствование Льва... представляется нам временем ежегодных поражений византийского знамени на суше и на море».

² См. об этом: А. Васильев. Византия и арабы. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии.— Записки историко-филологического факультета С.-Петербургского университета, ч. 66. Спб., 1902, стр. 103.

³ Интересно подчеркнуть, что болгаро-византийская война 894 г. имела исключительно экономическую причину: перенесение болгарского рынка из Константинополя в Солунь.

⁴ К сожалению, мы не располагаем данными о размерах территории империи в период царствования Льва VI. Единственная, насколько нам известно, специальная статья по этому вопросу (A. Andréadès. La population de l'Empire byzantin. Byz., IX, fasc. 2, 1934, pp. 117—126) содержит сведения, относящиеся либо к предыдущему, либо к последующему периодам (см. таблицу на стр. 124 указанной статьи).

⁵ См.: История Византии, т. 2. М., 1967, стр. 203.

⁶ В литературе последних лет этот тезис был наиболее полно обоснован Г. Острогорским (G. Ostrogorsky. La commune rurale byzantine. Byz., XXXII, fasc. 1, 1962, pp. 139—166).

⁷ См.: А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958, стр. 71. В зарубежной литературе позднейшего времени проявилась тенденция отрицать роль фемного строя в защите империи от арабских вторжений VII—XIII столетий. См., напр., W. E. Kaegi. Some Reconsideration on the Themes (seventh—ninth centuries). Jahrb. Osterr. Byz. Gesch., 16, 1957, pp. 39—53.

⁸ Тенденции к децентрализации, проявившиеся на первых порах существования фемного строя (особенно в конце VII в.) были преодолены. Уже в первой половине VIII в. фема «превращается в послушный механизм государственного аппарата» (см.: История Византии, т. 2, стр. 39).

⁹ По подсчетам Г. Острогорского (Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 12), военный участок установленного размера приносил стратиоту 18,5 номисм годового дохода. Ф. Успенский (Военное устройство Византийской империи.— ИРАИК, 6, вып. 1—3, София, 1900—1901, стр. 201) исчислял годовой доход стратиота, владеющего участками ценностью в 4 литры (размер около 70 десятин), в 24—25 номисм.

¹⁰ См.: М. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940, стр. 140

¹¹ Там же, стр. 141.

¹² Есть сведения о более раннем периоде: в январе 856 г. в государственной казне насчитывалось около 35 млн. рублей золотом (Theoph. Cont., ed. Bonn, IV, 20).

¹³ Const. Porphyrog. De cerim., pp. 651—660.

¹⁴ См. об этом: А. Васильев. Византия и арабы, стр. 169 сл.

¹⁵ По изданию: Leonis Imperatoris Tactica (далее—TL), PG, 107, 1863, II, 48, col. 692 D; ср. I, 14, col. 681 A.

¹⁶ TL, XVII, 3, col. 913 C.

¹⁷ Ibid., XX, 90, col. 1038 D.

¹⁸ Ibid., II, 48, col. 692 D.

¹⁹ Ibid., II, 49, col. 692 D—693 A.

²⁰ Ibid., II, 50, col. 693 A.

²¹ Ibidem.

²² По изданию: Arriani Tactica et Mauricii artis militaris libri duodecim. Ed. I. Schefferus, Upsaliae, 1664, VIII, 2, p. 183 b, 20—21.

²³ TL, II, 49, col. 692 D.

²⁴ Именно в этом заключается позиция греческого исследователя Г. Михаэлидиса-Нгароса. См.: «Mélanges Sèphériadis». Athènes, 1961, pp. 411—434.

²⁵ См. об этом нашу статью «Методы морально-политического воздействия на византийское войско по «Тактике Льва».— АДСВ, вып. 3. Свердловск, 1965.

²⁶ TL, XVII, 1, col. 913 B.

²⁷ По словам Ш. Диля (Основные проблемы византийской истории. М., 1947, стр. 84), трактат *De velitatione bellica* «рисует в живых, выразительных образах картину непрерывной борьбы, происходившей в пограничных областях, в горах Тавра или на границах Каппадокии, при постоянной угрозе арабских вторжений». Ср.: Ф. Успенский. Военное устройство Византийской империи, стр. 206—207.

²⁸ TL, IX, 9, 26, 29, 45—46, 50, 58, 63, 77—78.

²⁹ Ibid., IX, 45, 52, 61, 74; XVII, 47.

³⁰ Ibid., IX, 26, 52.

³¹ Ibid., IX, 42, 44.

³² Ibid., IX, 29, 39, 53, 59, 63, 77.

³³ Ibid., IX, II; XVII, 12, 15.

³⁴ Такие примеры буквально единичны, и их перечисление не составляет труда: IX, 13, col. 772 A — упоминание о походе Василия I в Сирию; XI, 25, col. 800 A — сирийский поход Никифора Фоки (Старшего) против арабов; XI, 26, col. 800 B — C — его же болгарский поход; XV, 38, col. 896 C — его же поход против лангобардов; XVII, 18, col. 917 B — поход императора Ираклия против аваров в так называемую Гераклею Фракию (событие почти трехвековой давности); XVII, 83, col. 933 C — поход Никифора Фоки (Старшего) в Киликию против арабов. Как видим, все же чаще упоминается арабский театр военных действий. Это совпадает с замечанием Льва (XVIII, 142, col. 981 B), что его больше всего интересуют арабы и он намерен уделять им наибольшее внимание в своем сочинении.

³⁵ TL, X, 4, col. 788 D.

³⁶ Ibid., X, 10, col. 789 B.

³⁷ Ibid., IX, 6, col. 769 A.

³⁸ Ibid., IX, 15, col. 772 B.

³⁹ Ibid., IX, 18, col. 772 C — D.

⁴⁰ Ibid., IX, 2, col. 768 C.

⁴¹ Ibid., IX, 23, col. 773 B.

⁴² Ibid., X, 16, col. 792 B; XV, 68, col. 904 D — 905 A; XV, 74, col. 905 C; XVII, 76, col. 932 C — D.

⁴³ Ibid., IX, 6, col. 769 A — B.

⁴⁴ Ibid., XVII, 84, col. 933 C — D.

⁴⁵ Ibid., XVII, 85, col. 933 D.

⁴⁶ Ibid., XVII, 86, col. 933 D — 936 A.

⁴⁷ Ibid., IX, 25, col. 773 C.

⁴⁸ Ibid., XVII, 36, col. 921 B — C.

⁴⁹ Ibid., I, 7, col. 680 B — C.

⁵⁰ Ibid., VI, 23, col. 725 D — 727 A; XI, 6—7, col. 793 C.

⁵¹ Ibid., XII, 114, col. 837 C — D. Жалование обычно выдавалось перед началом похода, и делал это либо сам полководец, либо войсковой казначей (Н. С ка ба л а - н о в и ч. Византийское государство и церковь в XI веке. Спб., 1884, стр. 310).

⁵² TL, XVII, 81—82, col. 933 B — C.

⁵³ TL, IX, 21, col. 773 A.

⁵⁴ Ibid., IX, 22, col. 773 A.

⁵⁵ Ibid., XVII, 46, col. 924 B — C.

⁵⁶ Ibid., XVII, 68—69, col. 929 C — D.

⁵⁷ Анализ юридических и военных источников, где ведется речь о сборе и разделе военной добычи, проведен А. Дэном — A. Dain. *Le partage de butin de guerre d'après les traités juridiques et militaires. Actes du VI-ème Congrès International d'Études byzantines*, t. I. Paris, 1950, pp. 347—352.

⁵⁸ По сведениям Скилицы (ed. Вонп, р. 598), византийские воины, отправляясь в поход, запасались веревками и ремнями, чтобы вязать пленных.

⁵⁹ TL, XVII, 62, col. 928 D.

⁶⁰ Ibid., IX, 49, col. 780 C — D.

⁶¹ Ibid., IX, 51, col. 781 A.

⁶² Ibid., XVI, 11, col. 909 C.

⁶³ Ibid., I, 7, col. 680 B — C; VI, 15—16, col. 725 A — B; XVII, 109, col. 941 C — D etc.

⁶⁴ Ibid., XII, 113, col. 837 C; XIII, 5, col. 844 C — D.

⁶⁵ De cerim., I, pp. 694—695.

⁶⁸ См. об этом: А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 78.

⁶⁷ TL, XVII, 33, col. 921 A.

⁶⁸ Ibid., XVII, 48—50, 52, col. 924 C — 925 B.

⁶⁹ Ibid., XVII, 67, col. 929 C.

⁷⁰ Ibid., VIII, 9, col. 764 B — C.

⁷¹ Ibid., XVI, 3—7, 10, col. 908 B — 909 B.

⁷² Ibid., IX, 47, col. 780 A — C.

⁷³ Ibid., IX, 50, col. 780 D.

⁷⁴ Ibid., IX, 51, col. 781 A.

⁷⁵ Ibid., XVI, 9, col. 909 B.